

По разные стороны вечности

Автор:

[Альбина Нури](#)

Гости из тьмы

Альбина Нури

За пределом реальности

Магда едва выжила после аварии, пережила клиническую смерть и совсем не помнит того, что случилось в тот день. Но самое страшное еще впереди: вкусы Магды меняются, появляются воспоминания о том, что ей никак не может быть известно, к тому же она начинает видеть призраков, и те пытаются дотянуться до нее из небытия!

Знания и видения приходят внезапно, управлять ими девушка не может. Она пугает родных, ее отношения с близкими портятся. Приятельница уговаривает Магду обратиться к ясновидящей, но из этого визита ничего хорошего не выходит: одна из посетительниц кричит, что Магда – не живая, и ей не место среди людей...

Книга также издавалась под названием «По разные стороны вечности».

Альбина Нури

Гости из тьмы

Пролог

- Пока везли, давление упало! Пульс едва прощупывается.

- Так, давайте, берем!

- Раз, два...

- Капельница! С капельницей осторожнее!

- ...три! Взяли!

Четыре пары рук аккуратно переложили ее с каталки на операционный стол. Казалось, все просто беспорядочно суетятся, бегают вокруг да около, но на самом деле врачи и медсестры двигались слаженно, каждое движение было четко отработано. Оно и неудивительно: пациенты в больнице – один за другим, потоком, да и в ситуации ничего нового нет. Аварии на дорогах – сплошь и рядом.

С девушки, что лежала теперь на столе, сняли всю одежду. Нагота никого не смущала – ни ее саму, ни медиков, и было в ней что-то правильное, завершенное: каким пришел человек в этот мир, таким ему и уходить.

Бледное тонкое лицо девушки прежде многие находили пикантным: капризная линия рта, чуть вздернутый нос, родинка на левой щеке. Сейчас никому не было до этого дела, никто не смотрел оценивающим взглядом.

Густые темные волосы ее слиплись от крови; худенькое тело казалось почти детским и странно плоским. Глаза были закрыты, но если бы она открыла их, то цвет оказался бы яблочно-зеленым: необычный, редкий оттенок – многие даже думали, что это цветные линзы.

Непривычно было видеть это тело, это лицо не в зеркальном отражении, как обычно.

«Вот я и взглянула на себя со стороны», – подумала она.

Кардиомонитор надрывался сигналом тревоги. По экрану, образуя диковинный узор, скакали зубцы.

– У нее фибрилляция желудочков!

– Дефибриллятор! Быстро!

Измученное сердце работает плохо, не справляется со своей задачей. Ему не под силу качать кровь, и в эти самые секунды клетки мозга голодают, умирают от недостатка кислорода... Но почему это нисколько ее не занимает? Как будто та девушка, за чью жизнь сейчас изо всех сил борется бригада медиков, – чужой, да к тому же не слишком приятный ей человек. Эти люди хотят вернуть ее, а она смотрит на их потуги почти равнодушно, потому что...

Потому что не хочет возвращаться обратно? Потому что так – без боли, без страха и страданий – лучше, спокойнее?

Разряд тока молнией прошел лежащую на столе девушку. Кажется, все мускулы одновременно дернулись, мощная волна встряхнула хрупкое тело.

Смотреть на это было неприятно, она поморщилась и отвела взгляд в сторону. Только зачем вообще стоять тут, если можно уйти?

Она повернулась и пошла к двери, оставив за спиной отрывистые реплики врачей, пиканье аппаратуры, слепящий свет, звяканье инструментов. И знакомую незнакомку, которая так и осталась лежать на столе сломанной куклой.

В коридоре свет был совсем другой – мягче, теплее. Здесь тоже были люди – и довольно много. Почти все – в медицинских халатах и костюмах. Но они, так же, как и те, что остались в операционной, не обращали на нее никакого внимания.

«Я же голая!» – мелькнула в голове мысль, и в тот же момент она поняла, что на ней надета ночная рубашка. Короткая, выше колена, красивая и нарядная – кремовая, с синими цветочками-васильками.

Эту ночную рубашку мама купила ей, когда они собрались в Крым на каникулы. Славное было лето. Сначала они отдыхали вдвоем, потом, через две недели, завершив дела на работе, к ним присоединился папа.

Правда, ей тогда было тринадцать лет, и ночнушка эта давным-давно износилась, пошла на тряпки...

Но сейчас она снова оказалась на ней, сидела ладно, по фигуре, и это казалось совершенно естественным, нормальным. Она провела руками по бедрам, разглаживая складки. Ноги, правда, так и остались босыми, но это не причиняло никакого дискомфорта: пол не охлаждал ноги, она ступала по квадратным плиткам, как по ковру, и он вроде бы даже пружинил, словно помогая идти.

Она пошла дальше, сама не заметив, как оказалась в другом коридоре. Вдоль стен здесь стояли стулья и диваны, на невысоких столиках лежали журналы, но никто не читал. Здесь вообще почти никого не было. За окнами – темнотища: и когда только успела наступить ночь?

Но если задаться этим вопросом, неминуемо начнешь мысленно возвращаться к тому, что случилось до того, как она здесь оказалась. А делать это было так же неприятно, как наблюдать за самой собой, лежащей на том столе. Поэтому какая разница – стемнело и стемнело.

Слева на диване, в самом углу, сидел мужчина. Одна рука лежала на подлокотнике, вторая была прижата к горлу. Когда он сильно нервничал, всегда сжимал шею так, будто хотел сам себя задушить.

Она подошла ближе.

– Миша, не надо... Зачем ты сразу о плохом, – тихо проговорила молодая женщина, которая сидела с ним рядом, обнимая его за плечи.

– Да-да, Ксюша, ничего, ничего, – бессвязно пробормотал он, опустив голову и думая о чем-то своем.

Она знала, о чем. Когда умирала в больнице мама, он точно так же сидел в коридоре, смотрел невидящими глазами в пустоту и стискивал свое горло. Только седины в его волосах тогда было меньше.

– Папа, все хорошо, – сказала она, желая его утешить. Ведь и вправду было хорошо! Она присела на корточки рядом с ним, пытаясь поймать его взгляд. – Не

волнуйся так!

Отец не услышал.

– Зачем я отпустил ее, да еще так поздно? Пусть бы Максим вернулся и забрал.

– Но ведь она сама хотела! Кто мог подумать... Зачем себя изводить? – Оксана, видимо, сказала это уже не в первый раз, и не особенно надеясь, что ее услышат. – Надо верить. Врач сказал...

– Я знаю, что он сказал. Что шансов немного. Серьезная травма головы.

– Прекрати! – Теперь голос Оксаны звучал сердито. – Немного шансов – это не значит, что их совсем нет! Она молодая, сильная, выкарабкается. Молиться надо, а не в отчаяние впадать.

Отец поднял голову и поглядел на жену, как будто только что заметил, что она рядом. Погладил ее по щеке, провел ладонью по светлым вьющимся волосам. Невысокая, круглолицая, с лучистым взглядом голубых глаз и мелодичным нежным голоском, который звенел прозрачным колокольчиком, Оксана была ни дать ни взять сказочная Девочка-Снегурочка.

– Ты права, Ксюша. Как всегда, права. Что бы я без тебя делал?

Оксана улыбнулась неуверенно, даже робко, словно не могла сообразить, серьезно ли он говорит.

– Все обойдется, вот увидишь. Она поправится. Обязательно.

– Ты сама-то как? – спохватился он. – Нормально? Сколько мы уже тут...

– Нормально, – отмахнулась Оксана. – Мне-то что сделается?

«А где Максим?» – вдруг подумала она, и отец, подслушав ее мысли, внезапно спросил:

– Максим? Он здесь?

Оксана вздохнула и указала куда-то вбок.

– Вы, мужчины, предпочитаете переживать в одиночку.

Оба – и отец, и Магда – синхронно повернулись в ту сторону, куда она указывала.

– Макс! – воскликнула Магда и вскочила на ноги.

Муж стоял спиной к ним, уставившись в черноту за окном. Застыл неподвижно, засунув руки в карманы брюк. Он постоянно говорил, чтобы Магда водила аккуратнее, а ей так хотелось доказать ему, что она уже вполне уверенно чувствует себя за рулем!

– Сходи к нему, – велел отец, и Оксана послушно засеменила к Максиму.

Магда оглянулась на отца, хотела сказать еще что-то успокаивающее, но передумала: все равно ведь не услышит. Она вздохнула и прикоснулась к его жестким на ощупь волосам. «Как проволока!» – смеялась мама.

Мама... Может быть, она скоро увидит ее?

Отец закинул ногу на ногу и снова прижал ладонь к горлу, нахохлился, ушел в себя. Магда поглядела на Максима. Оксана уже подошла к нему и что-то негромко говорила, поглаживая его по плечу.

Магда оставила отца и направилась к ним. Она хорошо ладит с Оксаной, даже любила мачеху, которая была всего на шесть лет старше ее самой. Но сейчас ей захотелось, чтобы Оксаны не было возле Макса. Пусть бы она отошла от него, вернулась к отцу. Почему-то показалось: если они с мужем останутся наедине, то он сумеет догадаться, что она рядом. Ведь они всегда чувствовали друг друга!

Но Оксана не думала уходить. Она вполголоса говорила что-то, быстро-быстро, и поначалу слов было не разобрать. А потом Магда оказалась совсем близко, в двух шагах, и слова Оксаны зазвучали отчетливо.

Максим отвечал ей, и Магда, застыв подле них, как соляной столб, слушала, что он говорит.

Незамеченная. Невидимая. Не...

Внезапно все изменилось.

Она увидела... Она не могла этого видеть!

Фигуры Максима и Оксаны начали удаляться, таять. Голоса их звучали все тоньше и тоньше, напоминая комариный писк. Потолок, стены, окна, мебель – все вокруг завибрировало, задрожало. Пол поплыл под ногами, и Магда выбросила руку вперед, чтобы ухватиться хоть за что-то, но это ей не удалось: держаться больше было не за что.

Мир сделался зыбким, неверным, завертелся в разноцветном безумном вихре, и она, крича от ужаса, полетела куда-то, не то проваливаясь в бездну, не то взмывая на немыслимую, недостижимую высоту.

Глава 1

«Для моих девочек – все самое лучшее!» – часто говорил отец, имея в виду Магду и ее маму. И старался, прикладывая все усилия, чтобы дать им это лучшее, поэтому Магда выросла в уверенности, что окружающий мир – замечательное место, а она сама достойна счастья и любви.

Когда Магда училась на третьем курсе института, мамы не стало. Через несколько лет у отца появилась Оксана, но кое-что осталось неизменным: он продолжал заботиться о своих девочках – дочери и новой жене.

Максим, муж Магды, немного напоминал отца, по крайней мере, он тоже считал, что должен принимать на себя ответственность за тех, кого любит.

Сидя на кровати, Магда смотрела в окно и думала, что жизнь ее, за исключением смерти мамы, всегда была безоблачной. Ни забот о хлебе насущном, ни серьезных проблем. До двадцати четырех лет дожила, не зная стоимости коммунальных услуг и цен на продукты. Когда-то этому везению должен был прийти конец, вот оно и закончилось. Аварией.

Хотя это еще как посмотреть. Другая бы, может, погибла, а Магда спустя пару месяцев уже почти полностью оправилась. Повзрослела, осунулась, стала себя ощущать по-другому, но ведь инвалидом не стала, к постели не прикована. Правда, имелась еще амнезия: сама авария и то, что за ней последовало, начисто стерлись из памяти.

Посттравматический синдром. Или, может, еще какой-то мудреный диагноз. Но это мелочь, которая никак не могла повлиять на дальнейшую жизнь.

– Склероз – самая хорошая болезнь. От нее невозможно вылечиться, но о ней можно забыть. А если серьезно, то даже хорошо, что ты ничего не помнишь. Твое подсознание позаботилось о том, чтобы ты не мучилась тяжелыми воспоминаниями, – Оксана каждый раз, когда приходила навещать ее, одна или с отцом, старалась внушить Магде эту мысль, и в конце концов у нее почти получилось.

– А что спишь неважно, кошмары мучают, так это, милая моя, пройдет. Дай срок. Но вообще-то должно же хоть что-то на память остаться! Чтоб боялась и больше не гоняла! – Это уже Лариса говорила, медсестра, с которой Магда сдружилась за тот месяц, что провела в санатории.

Магда сомневалась, что хоть когда-то сможет сесть за руль, так что напоминания в виде сновидений, от которых просыпаешься в холодном поту, ей были без надобности, но с Ларисой она не спорила. Она вообще никогда ни с кем не спорила, не ссорилась – такой уж характер. Покладистый, незлобивый. Сама Магда считала себя слабой и ведомой, отец с Максом предпочитали говорить, что она добрая и светлая.

– Не спишь? – В палату заглянула Лариса.

Магда улыбнулась и покачала головой.

– Пол-одиннадцатого, – констатировала медсестра и вошла, прикрыв за собой дверь.

Рослая, пышная, с полными руками и румяными щеками, она словно сошла с полотен Кустодиева.

– Я попрощаться: утром рано сменюсь, не увидимся.

– Домой хочется – ты не представляешь. Больница, реабилитационный центр, санаторий... До смерти надоело.

Палата ее, если честно, больше напоминала номер в хорошей гостинице: красивая мебель, картины, телевизор, лоджия. Вот только это был казенный, не домашний уют – безликий, созданный чужими, равнодушными руками.

– Ясное дело, – согласилась Лариса. – Ничего, немножко осталось. Муж за тобой приедет?

– Приедет, – кивнула Магда. – Папа тоже хотел, но у него важное совещание, не сможет отменить. Да и зачем? Что мы, вдвоем до дому не доберемся?

– Золотые у тебя мужики. Что один, что другой, – с оттенком горечи заметила Лариса, которая, преодолев тридцатилетний рубеж, выйти замуж уже почти не надеялась. Как она могла найти подходящего, если все мужчины попросту терялись на ее фоне, казались мелкокалиберными и малохольными.

Они поговорили о том о сём еще пару минут. Магда подумала, что это похоже на прощание в купе поезда: скоро вагон тронется, провожающие выйдут на перрон. В оставшиеся десять-пятнадцать минут всем неловко: непонятно, о чем говорить, близкие люди держатся натянуто, как едва знакомые.

Когда разговор окончательно заглох, девушки пообещали друг другу созваниваться и писать, и Лариса ушла, погасив за собой свет.

Магда легла в кровать и устроилась поудобнее, подтянув ноги к животу. По привычке прислушалась к себе: ничего не болит, не ноет. Во время аварии она сильно ударилась головой, получила черепно-мозговую травму, а еще были

сломаны два ребра и кисть руки.

Но теперь боль ушла, никакого дискомфорта Магда не ощущала и уже почти привыкла снова чувствовать себя здоровой. «Завтра буду спать дома», – счастливо подумала она и закрыла глаза, почти моментально провалившись в сон.

Обычно Магда закрывала на ночь шторы, но в этот раз позабыла. Было полнолуние, и огромная, круглая, не прикрытая завесой облаков луна заглядывала в комнату, расстелив на полу сверкающую белым серебром дорожку.

Этот раскрывшийся в ночи глаз, наверное, и разбудил Магду. Она спала, повернувшись лицом к окну, и призрачный луч был направлен прямо на нее. Встать и задергивать шторы было лень: слишком хорошо она пригрелась, «приудобилась», как говорила Лариса.

Магда повернулась на другой бок. Электронные часы на прикроватном столике показывали два тридцать. Еще спать и спать. Магда обхватила руками подушку и хотела снова попытаться заснуть, как взгляд ее, скользнувший по комнате, зацепился за что-то. В первый момент она даже не поняла, что это, а потом услышала тихий вздох.

«Здесь кто-то есть!»

Она вскинулась на кровати и поглядела туда, откуда донесся звук. Так и есть – в кожаном кресле, что стояло возле двери, сидел человек. Женщина.

«Лариса?» – это было первое, что пришло в голову.

Но уже в следующий миг Магда поняла, что ошиблась, никакая это не Лариса. В лунном свете она хорошо видела склоненную голову, стянутые в тугий пучок волосы на затылке. На женщине был халат, ноги обуты в тапочки – выходит, тоже пациентка. Руки незнакомки были зажаты между сведенных вместе коленей, плечи опущены. Она тихонько пробормотала что-то невнятное, сопроводив свои слова очередным тяжким вздохом.

Спрашивать, как она сюда попала, не имело смысла: ясно, что через дверь, которую Магда никогда не запирала. Правда, прежде никто никогда не навещал ее по ночам. Если бы она могла предположить, что кто-то из пациентов захочет прийти сюда, не была бы столь беспечной.

– Послушайте... – начала Магда и умолкла, не зная, что сказать. Поерзала, откашлялась. – Вы что тут делаете? Что вам нужно? Зачем сюда пришли?

Женщина подняла голову и посмотрела на девушку. На вид ей было около шестидесяти или чуть больше. Она повела плечами, нервно дернула одной рукой за ворот халата.

– Нина Самсонова, – сказала она. – Нина.

– Вас так зовут? Приятно познакомиться. А я Магда.

– Зачем они так со мной поступили? – плаксиво спросила Нина, и рот ее искривился коромыслом. – Оставили и забыли... Всегда они так! А я и ехать сюда не хотела.

«Только этого не хватало, – подумала Магда. – Мне-то что теперь со всем этим делать? Почему ее именно сюда занесло?»

– Нина, – она села в кровати, – не плачьте, пожалуйста. Успокойтесь. Давайте я позову кого-нибудь. Врача или медсестру.

Женщина не ответила, вместо этого опять склонила голову и забормотала что-то. На Магду она больше внимания не обращала.

Так, похоже, это надолго. Девушка отбросила одеяло, встала с кровати и направилась к двери. Когда шла мимо Нины, та плакала уже в полный голос.

Медсестры на месте не оказалось. Магда пошла искать Ларису, даже спустилась на другой этаж, но той нигде не было. Больница как будто вымерла, и Магде стало не по себе. С другой стороны, чего ж тут удивительного? Третий час ночи. Всем положено спать – они и спят.

Вернувшись обратно на свой этаж, Магда увидела, что дверь ее комнаты приоткрыта. То ли она сама неплотно закрыла ее, то ли Нина решила-таки уйти.

Зайдя к себе, Магда увидела, что верным оказался второй вариант: женщина и в самом деле ушла. Девушка облегченно вздохнула и заперла дверь. Мало ли, вдруг Нина передумает и снова придет сюда рыдать.

Остаток ночи прошел спокойно, правда, заснула Магда не сразу. Макс, который пришел забирать ее из санатория, сказал, увидев жену:

- Ты что-то бледненькая сегодня. Спала плохо? Опять кошмары?

Собственно, не кошмары, а кошмар – говорить надо было в единственном числе. Снилось всегда одно и то же. Магда оказывалась в незнакомом помещении: длинный узкий коридор-кишка, ни дверей, ни окон. Она бежала по нему, пытаясь найти выход, но он только удлинялся, заворачивал то вправо, то влево и не думал заканчиваться.

В какой-то момент Магда сознавала, что он ведет ее к чему-то плохому и страшному, и тут в конце коридора появлялись люди. Кто – непонятно, просто две темные фигуры, не ясно даже, мужчины или женщины.

Увидев их, Магда хотела повернуть назад: ее колотило от ужаса, она точно знала, что ей нельзя к ним приближаться. Но не могла ни развернуться, ни даже просто остановиться: неведомая сила толкала ее в спину, заставляя мчаться вперед с нарастающей скоростью. Она пыталась упираться руками в стены, но затормозить не получалось, и Магда, вопя от страха, летела навстречу темным силуэтам. А они тем временем начинали разворачиваться к ней лицом. Секунда – и она разглядит, кто это, но видеть этого нельзя ни в коем случае!

Сон заканчивался всегда одним и тем же. В последний миг загадочные черные фигуры расступались, давая ей дорогу, и она видела, что прямо перед ней – бездна. Видела – и на полной скорости, не успев даже побалансировать на грани, падала вниз с огромной высоты.

- Нет, сегодня никаких кошмаров, – ответила Магда, застегивая плащ. Пока она валялась на больничных койках, короткое скупое лето успело закончиться. На календаре было десятое сентября. – Представляешь, просыпаюсь среди ночи, а

тут женщина сидит!

Максим, который уже направлялся к двери, легко подхватив сумки, остановился:

- Что за женщина? Зачем приходила?

- Назвалась Ниной Самсоновой. Жаловалась на кого-то, говорила, что ее бросили, что ехать сюда не хотела. И плакала.

- А ты?

- А что я? Встала, пошла искать кого-нибудь из персонала. Пока ходила - никого, кстати, не нашла! - Нина уже успела уйти. Все.

- Вечно ты в истории попадаешь, - усмехнулся Максим. - Ладно, пошли домой. Буду теперь за тобой присматривать.

Он вышел в коридор, а Магда еще раз оглядела себя в зеркале. Ужас, тихий ужас! Тошная, ключицы торчат, кожа тонкая, бледная до прозрачности. Зеленые кошачьи глаза кажутся непропорционально большими на слишком худом лице, и в сочетании с острыми скулами и бледным ртом делают ее похожей на инопланетянку. Да еще и волос нет: во время операции Магду обрили, и они только-только начали отрастать. Мальчишеская стрижка лишь подчеркивала болезненную хрупкость облика.

- Милая, ты идешь? - позвал из коридора Максим.

- Иду! - Она без сожаления обвела взглядом палату, в которой провела три недели, и вышла, больше уже не оборачиваясь.

Максим улаживал последние формальности у стойки администратора, избавив от этого жену. Ей хотелось поскорее покинуть санаторий, и она, не дожидаясь Макса, вышла из холла, направилась в сторону автостоянки.

Небо затянули пыльно-серые тучи, начал накрапывать мелкий дождик. Небольшой парк был пуст: никому не хотелось гулять в такую погоду. Скоро подуют холодные северные ветры, клены и березы лишатся листьев и будут

торчать голые, сиротливые, ожидая прихода зимы, которая прикроет их стыдливую наготу.

Лето в наших краях пронзительно короткое, подумалось Магде. Ждать его придется так долго, а оно погостит месяца три и торопится умчаться прочь. В этом году Магда лета и вовсе не видела: июнь выдался зябким и дождливым, а в начале июля случилась авария.

От санатория «Элегия» до Казани – больше ста километров. Магда нервничала, хотя и старалась не подавать виду. Это будет первая с того страшного вечера обычная автомобильная поездка – не на «Скорой», не в машине для перевозки больных. Поколебавшись мгновение, она села на пассажирское сиденье.

Сможет ли она совладать с собой, когда увидит мчащиеся в обе стороны потоки автомобилей? Справится ли с эмоциями?

– Малыш, может, на заднем сиденье тебе будет спокойнее? – Максим подошел к машине, держа в руках какие-то бумаги.

Неожиданно Магда почувствовала раздражение: как же она устала от подчеркнуто участливого тона, тревожных замечаний, сочувствия во взглядах, от того, что все обращались с ней, как с раритетной вазой, которая в любой момент может свалиться с полки и разбиться! Тут помимо воли начнешь ощущать себя глубокой старухой или смертельно больным человеком.

– Я достаточно спокойна и отлично себя чувствую, – прохладно ответила Магда.

Максим посмотрел на нее и хотел сказать что-то, но передумал. Автомобиль вырулил со стоянки, покатыл в сторону города, и спустя несколько минут Магда почувствовала, что напряжение отпускает ее.

Муж вел уверенно и аккуратно, скорость движения была невысокая, дорога не перегружена, и девушка призналась себе, что начинает испытывать удовольствие от поездки. Ей стало неловко от того, как сухо она ответила Максиму в ответ на проявление заботы.

– Прости, что так отреагировала. Я не хотела на тебя рычать, просто немного перенервничала, – повинулась Магда.

Максим накрыл ее ладонь своей рукой и легонько сжал.

– Все отлично, ты умница. Любой бы на твоём месте нервничал. Музыка включить?

Магда отрицательно покачала головой. Муж выпустил ее ладонь, снова взявшись за руль обеими руками.

– Знаешь, я сказал администратору про женщину, что к тебе приходила.

– Зачем? – удивилась Магда.

– Пациенты не должны разгуливать по ночам и забредать в чужие палаты. – Максим недовольно нахмурился. Он был финансистом, занимался налогами и во всем стремился соблюдать порядок и дисциплину.

– Что она ответила?

Максим вскользь глянул на Магду.

– Сделала вид, что такого не могло быть.

– Что значит – «не могло»? Они что, привязывают людей к койкам?

– Не в этом дело. Она спросила, как зовут эту беспокойную дамочку, я ответил, что Ниной Самсоновой. Правильно?

Магда кивнула.

– Ну вот. Администратор принялась меня уверять, что ты перепутала. Эта самая Нина никак не могла прийти к тебе ночью в палату, потому что накануне вечером скончалась от сердечного приступа.

– Что? Глупость какая! Не привиделась же она мне!

– Вот именно. Не привиделась, а потом, откуда тебе было знать о существовании женщины с таким именем? Я лично думаю, это приходила ее соседка по палате или знакомая. Приняла близко к сердцу смерть подруги, пошла прогуляться. Может, она не свое имя тебе назвала, а просто хотела рассказать про Нину. Ты же говорила, она жаловалась, плакала?

– Да, плакала, – подтвердила Магда.

– В общем-то, все это не имеет особого значения: кто приходил, зачем, – Максим плавно притормозил на перекрестке. – Главное, им бы следовало лучше следить за пациентами. Ты сама говорила, на сестринском посту никого не было, а если бы медсестра была там, где ей полагалось быть, то заметила бы плачущую женщину. Приняла бы меры, дала успокоительного.

Муж говорил еще что-то, Магда не вслушивалась. Воспоминания о минувшей ночи постепенно выветривались из памяти, ей не хотелось говорить об этом, не было желания возвращаться мыслями ни к санаторию, ни к его обитателям. Даже с Ларисой она теперь не стремилась общаться: вчера казалось, что они подруги, а сегодня – что нужно оставить все связанное с травмой, больницами, лечением в прошлом и жить дальше.

– Давай все-таки послушаем что-нибудь, – сказала Магда и включила радио.

Максим, которого она перебила на полуслове, удивился, но говорить ничего не стал.

Глава 2

Ночные кошмары не прекратились. Через две недели после возвращения из санатория Магда уже не могла себя обманывать: ей стало хуже, и само по себе это состояние не пройдет.

Она не могла понять, что должен означать повторяющийся из ночи в ночь сон, какую информацию он несет. Просыпаясь, Магда пыталась сообразить, кого она видела, кто эти таинственные безликие, безымянные фигуры, но разгадка всякий раз ускользала.

Сновидение посещало ее в одно и то же время: она просыпалась в поту, дрожа, как в лихорадке, в половине второго ночи и после уже больше не могла заснуть до самого утра. Видела на электронном циферблате и три, и четыре, и пять часов. Потом, видимо, забывалась тревожным сном, чтобы встать вместе с Максимом в семь.

Муж уходил на работу, а она слонялась по квартире, не в силах ничем себя занять, чувствуя себя невыспавшейся и совершенно разбитой. Даже если бы она и трудилась в какой-нибудь конторе, применяя никчемное, неизвестно зачем полученное образование социолога, сейчас все равно пришлось бы уволиться: стало сложно сосредоточиться на чем-либо.

Магда прибирала кровать, без аппетита жевала что-то на завтрак, запивая съеденное кофе с молоком и сахаром, заставляла себя выйти из дому, прогуляться, купить продуктов к ужину, сделать уборку.

Прежде девушка любила читать, теперь же буквы расплывались перед глазами, и чтение казалось невыразимо скучным занятием. Ни одна книга не могла вызвать интереса, заставить следить за сюжетом.

Чаще всего, возвращаясь с работы, Максим заставлял жену сидящей в кресле перед телевизором. Она не хотела, чтобы он видел ее такой – вялой, растрепанной, поэтому пыталась изображать оживление, веселость, заинтересованность в том, о чем он говорил. По всей видимости, без особого успеха, потому что Магда каждый раз замечала, как он хмурит брови, глядя на нее.

Наверное, лучше всего было бы поговорить с ним обо всем откровенно, но она не могла решиться. Как в народе говорят, муж любит жену здоровую, а брат – сестру богатую. Ей не хотелось выглядеть в его глазах больной, беспомощной, поникшей, стыдно было жаловаться и доставать нытьем. Максим и без того вымотался за эти месяцы, а ведь ему нужно было еще и работать, обеспечивать семью.

– Как ты сегодня? – спрашивал он, снимая пальто в прихожей.

– Все отлично, Макс, – фальшиво улыбалась она, надеясь, что улыбка хоть немного напоминает выражение искренней радости.

В одну из ночей, пробудившись и увидев на часах знакомые цифры, она почувствовала, что больше не может выносить этого. Встала, вышла из спальни и села в любимое кресло в гостиной, стараясь успокоиться и решить, как быть дальше.

Ночник разливал возле нее небольшое облачко света, остальная комната была погружена во мрак, по углам прятались тени. Ей на миг показалось, что она находится на необитаемом острове, а вокруг – темное море, глубины которого таят опасность. Она одна, совсем одна...

– Магда? Почему не спишь? – Максим возник в дверном проеме неожиданно и бесшумно, и она едва сумела подавить испуганный возглас.

– Бессонница, – коротко ответила она, стараясь восстановить сбившееся дыхание.

– Это так и не прекратилось? Твои сны?

У нее не было сил врать и придумывать для него утешительную версию, поэтому она сказала правду:

– Стало только хуже. Теперь кошмар снится каждую ночь, потом я не могу заснуть, а после весь день хожу, как вареная.

Произнося эти слова, Магда почувствовала, как к горлу подступают слезы.

– Послушай, малыш. – Макс быстро пересек комнату, в два шага оказавшись возле нее, и присел на колени перед креслом. – Тебе сейчас нелегко.

Представить невозможно, что тебе пришлось пережить, и это...

– Не может пройти бесследно, – закончила за него Магда словами Ларисы. – Я знаю.

– Вот видишь. – Он погладил ее по щеке. – Все пройдет, нужно только подождать.

«Скажи еще, что время лечит, и я тебе в лицо плюну», – с неожиданной злостью подумала Магда. На мгновение она ощутила такую ненависть к Максиму, что стало трудно дышать. Она сжала челюсти, чтобы удержать рвущиеся с губ злые слова. Где ему понять ее?! Легко ему сидеть тут и рассуждать. Он-то прекрасно себя чувствует, отлично высыпается и ест с аппетитом, тогда как она обречена на страх и бессонницу.

Секунду спустя вспышка неприязни прошла, и теперь Магда сама не понимала, как могла испытывать что-то подобное по отношению к своему мужу – любимому, такому родному и близкому.

– Прости, – вырвалось у нее.

Максим понял эти слова по-своему. Он сгреб ее в охапку, поднял из кресла и прошелся по комнате, держа ее на руках, баюкая, как ребенка.

– Малышка ты моя, хрупкая веточка, маленькая девочка, – прошептал он, уткнувшись лицом в ее шею. – С ума сошла – прощения просить? Что бы с тобой ни происходило, я рядом. – Стало горячо и щекотно, и она хихикнула. По телу побежали мурашки. – Все будет хорошо, вот увидишь.

Той ночью Магда спала отлично. Не слышала, как поутру Максим ушел на работу, проснулась поздно и чувствовала себя полностью отдохнувшей. Забытое, чудесное ощущение. «Кажется, жизнь налаживается», – подумала она, отправляясь в ванную.

Вытирая волосы после душа, она подошла к зеркалу и... Полотенце выпало из рук.

«Кто это?»

Потрясение было настолько сильным, что Магда не сумела даже закричать – стояла и смотрела на свое отражение.

«Не может быть!»

Она зажмурилась, а когда открыла глаза, все было нормально. Снова перед ней – ее бледное скуластое лицо в обрамлении коротко стриженных темных волос.

– Привидится же такое, – выдохнула она, вспоминая лицо девушки, которое отражалось в зеркале минуту назад.

Старше Магды – лет двадцати восьми, с каштановыми волосами чуть ниже плеч, длинной густой челкой, большими карими, вытянутыми к вискам глазами, хрящеватым тонким носом. На подбородке – небольшой, давно заживший, едва заметный шрам. Запоминающееся, выразительное лицо. Не столько красивое, сколько яркое, дышащее дикой, необузданной силой. Лицо, которое Магда, оказывается, за доли секунды рассмотрела и запомнила во всех подробностях.

В два часа пришел отец. Раньше, пока он не женился на Оксане, они время от времени обедали вместе: встречались в городе или же она заглядывала к нему в офис. К ним с Максимом домой он тоже приезжал, если оказывался поблизости. Однако в последние два года такого почти никогда не случалось, и Магда сразу поняла, как он здесь оказался.

– Тебе Макс рассказал, что я себя плохо чувствую? – с порога спросила она.

– Что же я, не могу просто так, без причины заехать проведать любимую дочку? – попробовал отшутиться он, но потом признался: – Он сказал, ты расстроена.

Позже, когда они были на кухне и Магда накрывала на стол, отец сказал:

– Позвонил сегодня Гудованцеву. – Это был профессор-невролог, который наблюдал Магду. – Он говорит, физически ты здорова, никаких отклонений при выписке не было. Можно еще раз обследовать тебя, но вряд ли это даст что-то новое. Единственное, конечно...

– Знаю. Мне все твердят про последствия травмы, – перебила она, ставя перед ним тарелку с супом. – Ешь давай.

– Рассольник? Обожаю, как ты его готовишь! – Его энтузиазм был преувеличенным лишь самую чуточку.

Пока ели, не возвращались к вопросу о самочувствии Магды. Отец рассказывал, как съездил на прошлой неделе в Москву, делился новостями о строящемся доме: они с Оксаной решили поселиться за городом, под Казанью, работы шли полным ходом.

– Кстати, Оксаны что-то давно не слышно, – встрепенулась Магда. – Мы уже несколько дней не созванивались. Она не звонит, и я замоталась.

Ей показалось, по лицу отца промелькнула тень, но он быстро взял себя в руки.

– Ксюша у матери в Чебоксарах, уехала на недельку погостить. Вернется – созвонитесь.

Магда собрала грязную посуду, поставила в мойку. Чайник требовательно засвистел, закипая.

– Совсем старый стал! – спохватился отец. – Я же вкусенького нам с тобой принес!

Пока она наливала ему чаю, а себе – кофе, он сходил в прихожую и вернулся с коробкой пирожных. Магда выкладывала их в тарелку и не сразу заметила его удивленный взгляд.

– Ты почему так смотришь?

– Кофе, – ответил он.

– Что – кофе?

– Ты же его терпеть не можешь. Даже запаха не выносишь.

Магда непонимающе посмотрела на отца, переваривая услышанное.

А потом поняла, что он прав. Она всегда пила только чай – причем чаще зеленый. Однако в последние две недели, вернувшись из санатория, по утрам выпивала по две, а то и три чашки крепкого сладкого растворимого кофе с молоком. Вот и сейчас, не задумываясь, положила в кружку две ложки коричневого порошка и залила кипятком.

Что бы это значило? Впрочем, какая разница. Люди меняются, привычки – тем более.

– Не любила, а теперь, значит, люблю, – сказала Магда, чувствуя, что изумление, написанное на отцовском лице, вот-вот выведет ее из себя.

Она опустила глаза, взяла пирожное и откусила кусок.

– Вкусное? Нравится? – Отец поспешил сменить тему. – Я попросил Гузель купить заварные с кремом, но она вернулась и сказала, что их сегодня не будет. А корзиночки свежайшие.

Гузелью звали отцовскую секретаршу. Корзиночки и вправду были вкусные, только ей было бы приятнее, купи он их сам.

«Что со мной сегодня? Откуда эта нелепая мысль?»

Отец занятой человек, ему некогда ходить по магазинам – он и не ходит никогда. Всю жизнь так было, и Магда давно к этому привыкла.

– Может, мне к психологу надо? – спросила она.

Он медленно опустил недоеденное лакомство на блюдце.

– Я как раз это и хотел предложить, – тихо сказал отец, и Магда поняла: он рад, что она сама об этом заговорила. – Только не знал, как ты отреагируешь. У меня и подходящий специалист на примете есть. Профессионал. Должен помочь.

Магда внимательно посмотрела на него и вдруг отчетливо, по-особому остро осознала, какие чувства им сейчас владеют. Она всегда была папиной дочкой, привязанной к отцу сильнее, чем к матери. Погибни Магда в той аварии, папа

был бы сломлен, уничтожен. Конечно, он не один на белом свете, у него есть Оксана, но детей ведь других нет.

Ей захотелось ободрить отца, сказать, как сильно он ей дорог, и она уже открыла было рот, потянулась к нему через стол, взяла за руку чуть выше кисти, а потом случилось это.

Кухня вместе с плитой, холодильником и мебелью, с цветами и сидящим за столом отцом куда-то пропала. Магда очутилась в длинном темном коридоре – кажется, том самом, который видела во сне. Только на этот раз, кроме нее, там никого не было.

Некая сила снова властно потащила ее вперед, и Магда, не пробуя противиться, раскинув руки, крутясь и переворачиваясь, как космонавт в невесомости, полетела куда-то. Поначалу в ушах стоял гул, но постепенно он начал распадаться на обрывки слов и фраз. Голоса – знакомые и чужие – звучали в голове все громче, четче, она их отчетливо слышала, но не понимала, о чем они говорят, и кое-что повторила вслух, чтобы вдуматься в смысл.

Перед глазами замелькали лица – некоторые опять-таки знакомые. Только выглядели они как-то непривычно. Спустя миг Магда разглядела среди этих людей своих родителей. Только видела она их совсем другими, не такими, какими знала и помнила, а гораздо моложе.

«Я попала в прошлое?»

Это было невероятно, потрясающе, ошеломляюще и закончилось так же внезапно, как началось. Она снова оказалась в своей кухне, на столе перед нею стоял недопитый кофе, а рядом сидел отец. И снова она была та же, что и всегда – прежняя Магда.

«Нет, не прежняя. Кое-что изменилось».

– Дочка, что с тобой?

Глаза отца округлились, рот приоткрылся. Никогда раньше она не видела на его лице выражения такого, почти комичного, потрясения. Ему словно дали

пощечину.

– Ты никогда не говорил мне об этом, – сказала Магда и не узнала собственного голоса. Он звучал хрипло, как будто она была простужена. – Не только мне. Никому не рассказывал.

Из всего того калейдоскопа имен, голосов, лиц, который только что наполнял ее голову, уцелело не так много – остальное растаяло. Но то, что осталось, было чистым знанием. Магда ни за что не смогла бы сказать, откуда, каким образом, но теперь она знала некоторые вещи – просто знала и все.

Отец сидел и ждал, что еще она скажет, и глядел на нее с тем же выражением недоверчивого ужаса. А Магда не могла промолчать – обретенное знание пульсировало в ней, просилось наружу, требуя выхода.

– Ты назвал меня в ее честь, – быстро проговорила она. – Мама хотела, чтобы я была Еленой или Натальей, но ты был против. «Пожалуйста, Галочка, позволь мне! Пусть она будет Магданой!» – Магда скопировала его интонацию так точно, что отец ахнул и вскинул руку к горлу – обычный его жест в минуты смятения. – Мама смеялась и спрашивала, где ты выкопал это чудное имя? И как же это будет сокращенно? Как нам ее звать? А ты сказал: Магда. До чего женственно и вместе с тем гордо звучит. Необычное, звучное, редкое имя. Мама согласилась. Но она так и не узнала, ты и ей не сказал! Магдана... – Она покатала слово на языке, пробуя на вкус, словно слышала впервые. – Магдана – так звали твою первую любовь. Наполовину грузинка, по отцу. Фамилии я не разобрала. Что-то такое... на «ания» заканчивается.

– Белкания, – прошептал отец.

Магда не услышала.

– Она училась в твоей школе, только была на год младше. Яркая высокая брюнетка, фигура – гитара, глаза вполлица. Умела так смеяться, что все вокруг тоже принимались хохотать, даже если понятия не имели, над чем. Но уж если сердилась – держитесь! Искры летели. Магдана танцевала грузинские танцы... очень красиво, все засматривались. Отца у нее не было, мать... «Гого» – девочка. Кажется, так она ее называла. Ты был без ума от Магданы, а как она тебя любила! Вы собирались пожениться. Что-то произошло... – Голос ее упал до

шепота. – Она любила купаться, но плохо плавала. Пошла на реку купаться и утонула. Девятнадцать... ей было всего девятнадцать лет. Тело нашли быстро. Но ты не видел. Не видел ее... такой. – Она перевела дух. – Мертвой. Ты назвал меня в честь мертвой девушки.

Выговорив эту фразу, Магда замолчала. Слова как будто закончились, больше она не могла произнести не единого звука. Навалилась усталость – плотная, тяжелая, как бетонная плита. Осмысливать произошедшее, задаваться вопросами не хотелось. Ей не нужны были объяснения – ни того, что произошло сейчас, ни случившегося в далеком прошлом, когда ее и на свете не было.

И даже когда отец, отведя наконец-то от нее взгляд, уронил голову на стол, обхватил ее руками, сцепив пальцы на затылке, и горько, натужно зарыдал, Магда ничуть не взволновалась, не испугалась, вообще ничего не почувствовала.

Внутри – там, где только что жило диковинное знание, – теперь была лишь звенящая гулкая пустота.

Глава 3

Прием сегодня был назначен на одиннадцать, сейчас уже без десяти, а Магда только что вышла из подземки. Если поторопится, она успеет как раз вовремя, впритык, но спешить не хотелось. Вообще не было никакого желания встречаться с благостным Константином Львовичем.

Сеансы состояли из двух частей: сначала психотерапевт задавал вопросы (практически всегда одни и те же), а потом погружал ее в некое подобие транса, уговаривая успокоиться, забыть обо всем плохом и жить дальше (боже, какая штампованная, до зубовного скрежета заезженная чушь!).

Магда сама не понимала, почему психотерапевт, которого нашел отец, вызывает у нее такую неприязнь. Вроде бы все в нем хорошо: доброжелательный, симпатичный, опытный, отзывчивый. Большие глаза за поблескивающими стеклами очков, борода как у Деда Мороза, мягкая понимающая улыбка.

Но уж больно много было в той улыбке безапелляционного всезнайства, понимания, сахаристой, ласковой сладости. Как будто Константин Львович точно знал, что она, Магда, убогая и ущербная, и жалел ее, отлично сознавая при этом, что принимать пациентку всерьез вовсе не обязательно: в голове-то у нее полнейшая несуразица, каша. А ему, бедному, эту кашу приходится расхлебывать.

Наверняка Константин Львович так не думал, честно старался помочь, так что и злиться на него не следовало. Но сколько бы Магда себя ни уговаривала, сколько бы ни старалась успокоиться и проникнуться доверием к доктору, ничего не помогало. В глубине души девушка точно знала, что ходить к нему в ее ситуации бесполезно, так зачем мотаться туда через весь город, садиться в кресло и в который уже раз пересказывать свой сон?

Неделю назад, вечером того дня, когда с Магдой случилось то, что Максим и отец предпочитали называть «припадком», она лежала в спальне с задернутыми шторами и слышала их приглушенные взволнованные голоса.

Они думали, Магда спит, поэтому старались говорить тихо, и она не могла разобрать всего сказанного. К тому же была одурманена лекарством и время от времени словно уплывала куда-то на теплых волнах.

– Откуда, скажи на милость, она могла об этом узнать?

Максим ответил что-то.

– Да я никогда никому не рассказывал!

Снова голос Макса. Магда провалилась в туман, а когда вынырнула, услышала, как отец говорит:

– Думаю, нам придется ей сказать. Все равно она узнает. Да и потом, чем это может повредить?

Когда отец ушел, а Максим заглянул в спальню проведать жену, узнать, как она себя чувствует, Магда окончательно проснулась и спросила:

– О чем вы говорили? Что придется мне сказать?

Брови Макса подпрыгнули вверх. Он попробовал потянуть время, чтобы сообразить, как лучше ответить – был не готов к вопросу.

– Мы думали, ты спишь, – проямлил он.

– Я и спала. Но в какой-то момент проснулась и услышала. Так что случилось?

– Не хотели волновать тебя понапрасну, вот и не сказали. И врачи тоже посчитали, что... – Он подошел к кровати, сел возле жены. Она ждала, не зная, к чему готовиться, и потому сердясь на его нерешительность. – Милая, ты пережила клиническую смерть. Сердце остановилось, когда ты была на операционном столе.

Магда молчала: не знала, как реагировать. Как вообще можно отреагировать, когда узнаешь, что побывала на том свете и вернулась?

– Я понимаю, как это звучит, но ты не волнуйся. Все давно в прошлом, ты поправилась, выздоровела. – Он вздохнул. – Когда мы с твоим отцом узнали о... ну, об этом, конечно, чуть с ума не сошли. Но теперь-то все позади. И уж конечно, на состояние твое никак не влияет.

Они еще некоторое время говорили об этом, а потом Магда свернула разговор. Видела, что Максиму, человеку рационально мыслящему, непонятны и потому неприятны овладевшие ею, как он полагал, мистические настроения.

Ей-то самой казалось, что теперь она подобралась к первопричине ночных кошмаров, страхов и снов: разве может пройти бесследно, если ты какое-то время, пусть и считанные секунды, пробыла между «здесь» и «там», между жизнью и небытием? И про черный коридор, заканчивающийся светом, многие очевидцы рассказывают. Правда, она никакого света не видела...

Скорее всего, и сеанс ясновидения как-то объясняется ее путешествием за грань реальности. Правда, какая тут связь, непонятно, но мало ли. Человеческий мозг – загадка.

Максима загадки только сердили. Он стремился найти разумное объяснение – и это было не так уж сложно. Полагал, что про грузинку Магдану она узнала от отца: тот мог проболтаться, сам того не помня, а Магда случайно услышала. Может, и забыла об этом, и даже значения в тот момент не придавала, однако в стрессовой ситуации информация, оставшаяся в подкорке, вылезла наружу. Что же до плохого сна... Вот тут они снова и снова возвращались к тому, что Максим именовал помощью специалиста.

Магда, естественно, подчинилась. Отец тоже настаивал на немедленном визите к психотерапевту. Только с посещением доктора как-то сразу не задалось.

Когда она впервые поднималась в лифте на пятый этаж, где находился медицинский центр «Психея», ее вдруг охватило чувство дежавю. Показалось, что она бывала здесь прежде.

Правда, время от времени такое случается с каждым, происходило что-то подобное и с Магдой. Но все же это не было похоже на испытанное ранее. Вместо смутного ощущения была уверенность.

Магда точно знала, что, когда двери лифта откроются, она выйдет из него и попадет в небольшой квадратный коридорчик. Напротив окажется деревце с узкими листочками, растущее в кадке, а над ним будет висеть картина. На картине – что-то непонятное, расплывчатые пятна, как будто на рисунок опрокинули стакан с водой и изображение оказалось размыто.

Видение промелькнуло в мозгу быстро, но было отчетливым и ярким. Магда не успела удивиться, откуда все это взялось в ее голове, как лифт остановился, и дверцы его разъехались в разные стороны.

Все было точно так, как ей привиделось: и «предбанник», и абстрактная картина в деревянной раме, и дерево в кадке. Слева была стеклянная дверь, за которой виднелся длинный коридор, застеленный зеленой дорожкой с дверями по обе стороны.

«Что дальше?» – спросила она сама себя, прислушиваясь к своим ощущениям. Но внутренний голос молчал. Магда понятия не имела, какая из дверей ей нужна и что будет ждать за нею. Она сделала глубокий вдох и взялась за ручку.

Кабинет Константина Львовича располагался почти в самом конце коридора. Все в «Психее» было призвано успокаивать расшатанные нервы пациентов: изумрудного цвета ковер на полу, приглушенное освещение, легкий цветочный аромат, витавший в воздухе, маленькие столики, уютные на вид кресла, бежево-золотистый оттенок обоев и картины – все те же, повторяющиеся в разных цветовых вариациях, размытые абстрактные узоры.

Очувтившись перед нужной дверью, Магда замешкалась на секунду, и тут ее снова озарило. Еще не шагнув внутрь, она знала, что увидит небольшую приемную, девушку-медсестру за стойкой. На стеклянном столе будет лежать стопка разноцветных журналов. Кстати, медсестра...

Усилием воли прервав поток цветных кадров, которые заполнили ее голову, она отворила дверь и вошла.

– Добрый день, – улыбнулась девушка в бледно-зеленом форменном платье, сидящая как раз там, где и предполагала Магда. – Вы Магдана? Константин Львович вас уже ждет.

– Скажите, у вас не было гипса не так давно? На руке? – неожиданно для себя самой выпалила Магда и уточнила: – Вы руку сломали.

«Что я несу? С чего я это взяла?»

Улыбка на лице девушки увяла, в глазах возникло недоумение. Магда злилась на себя: кто ее за язык тянул!

– Вы разве были у нас? – неуверенно проговорила медсестра и потеряла тонкий серебряный браслет. – Но вообще-то да, полгода назад я упала и сломала запястье. В гипсе ходила.

Они смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Неизвестно, что думала медсестра, но Магда была потрясена тем, что не ошиблась. Она впервые видела эту девушку, но точно знала о ней кое-что.

Например, то, почему она упала. Дело было вовсе не в неудобных туфлях и высоких каблуках, как она всем говорила. Просто барышня сильно перебрала

субботним вечером, поскандалила со своим парнем, дала ему пощечину, потом ринулась прочь. По правде сказать, все эти события она помнила не очень хорошо и, думая на эту тему, испытывала жгучий стыд. С парнем они, кстати, так и не помирились. Медсестра мечтала, что он вернется, но Магда знала: напрасно. У него уже давно другая.

Слава богу, ничего этого она вслух не произнесла. Но все равно каждый раз, стоило ей возникнуть на пороге приемной, медсестра преувеличенно жизнерадостно улыбалась, неумело маскируя за крокодильим оскалом неловкость и опасение. Должно быть, дождаться не могла, когда чокнутая пациентка перестанет сюда ходить.

Вот в этом их желания совпадали. Константин Львович только и делал, что задавал вопросы, с умным видом качал крупной («львиной», думала Магда) головой и понимающе причмокивал губами. Она шла к нему за ответами, но как раз их он дать не мог, а признаться в этом не желал.

Сизое небо брызнуло дождем, и девушке пришлось ускорить шаг, чтобы не вымокнуть: зонт она оставила дома. Медсестры, к счастью, на месте не оказалось. Магда сняла пальто и прошла в кабинет.

Константин Львович поднялся ей навстречу, лучась приветливостью. Она выдавила ответную улыбку и уселась в кресло. Можно было и на кушетку прилечь, но это слишком отдавало чем-то ненастоящим, киношным.

– Вы не помните, как произошла авария? – спросил психотерапевт.

«Снова здорово! Придумал бы что-то новенькое!»

– Я каждый раз отвечаю вам, что не помню.

– Хорошо, очень хорошо. – Константин Львович вскинул ладони и выдал очередную обезоруживающую улыбку. – Я уже подчеркивал: травмирующие воспоминания вам ни к чему, наши сеансы направлены на то, чтобы окончательно избавить вас от груза пережитого. Благо все хорошо закончилось. Значит, последнее, что осталось в вашей памяти, – это то, как вы вышли из дома отца и они с супругой проводили вас до машины.

– Да, – коротко ответила она, и перед мысленным взором возникли папа и Оксана. Они стояли, обнявшись, и махали ей. Папа сказал, чтобы она была внимательнее за рулем, потому что дорога скользкая – только что прошел дождь. Магда заводила двигатель, а отец, видимо, услышал телефонный звонок, потому что полез в карман, вынул сотовый и поднес его к уху.

Магда не помнила, как мчалась на нее вылетевшая со встречной полосы машина с пьяной женщиной за рулем. Никто так и не узнал, что произошло. То ли автоледи не справилась с управлением, то ли попросту заснула. Сама она поведать об этом не могла – погибла.

– Расскажите, что вы чувствуете по отношению к той женщине, – тянул свое психотерапевт, и Магда поняла, что больше не может. Не в состоянии слушать эти глупости, не в состоянии на них отвечать.

– Извините, Константин Львович, мне пора.

Она встала и направилась к двери. Он оторопел, но быстро взял себя в руки:

– Мы же еще не закончили! Магда, дорогая моя, нельзя же вот так...

– Можно. – Взявшись за дверную ручку, она обернулась и посмотрела на него. – Это бесполезно. Я не приду больше. Всего хорошего.

Максим, которому она вечером рассказала про свой демарш, был огорчен, но не удивлен.

– Все к тому и шло, – вздохнул он. – Я видел, что Константин Львович тебе не нравится. А раз нет доверия... – Он пожал плечами. – Найдем другого.

– Не будем мы никого искать. Мне не нужен мозгоправ.

Максим собрался возразить, но Магда ему не позволила. Муж сидел за столом, ужинал, и она подошла к нему, обняла, прижалась щекой к его щеке.

– Я устала от больниц, врачей, лекарств. Макс, меня обследовали вдоль и поперек, я не больная и не сумасшедшая. Ты прав: просто нужно время. Я

справлюсь. Обдумаю все – сама, без помощи дипломированных умников, которые думают, что все знают и про меня, и про всех на свете, а на самом деле ни шиша не понимают.

Он отодвинул тарелку, усадил жену к себе на колени. Провел ладонью по стриженным волосам. Ей показалось, Максим доволен тем, что она сказала. Видимо, ему тоже надоели разговоры о врачах и сеансах, он хотел жить нормальной, обычной жизнью. Как раньше.

– Точно? Уверена?

– Угу.

– Я говорил, что тебе идет эта прическа? Ты выглядишь сексуально, – сказал Максим, и Магда засмеялась тихим грудным смехом. Ужин был забыт.

После, когда они, оторвавшись друг от друга, лежали в темной спальне, Макс негромко сказал:

– Знаешь, ты изменилась.

– Изменилась?

– Стала более дерзкая. Раскованная.

– Это хорошо или плохо?

– Еще не решил! – шутливо сказал Максим и поцеловал жену в кончик носа.

– Говорят, после сильных потрясений люди меняются. Кто-то в бога начинает верить, кто-то – к жизни по-другому относиться. Близких ценить.

Когда муж ушел в ванную, Магда подумала, что в действительности перемены, которые с ней произошли, куда глубже, значительнее, серьезнее, чем ему кажется. И стать такой, как прежде, она вряд ли сможет; и жить, как раньше, у них не получится.

После того, что случилось сегодня днем, в парке, никаких сомнений у нее не осталось.

Глава 4

А в парке случилось нехорошее.

Вырвавшись на свободу от многомудрого психотерапевта, Магда стремглав бросилась к метро. Стуча каблуками по асфальту, она впервые за долгое время чувствовала себя хозяйкой собственной жизни.

«Ага, захочу – позволю копаться у себя в душе, не захочу – не дам», – ехидно мякнул внутренний голос, но Магда приказала ему замолчать.

Народу в метро было мало: час пик давно прошел, и люди, которым было чем занять себя в этой жизни, добрались до нужных мест и уже давно либо учились, либо работали. Магда ощутила себя праздношатающейся, бесполезной и приуныла.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, она достала планшет и уткнулась в него, бездумно порхая с сайта на сайт. Почти все пассажиры, покачиваясь в такт движению вагона, тоже читали электронные книги или глядели в свои телефоны. Какие же мы все одинокие, замкнутые, подумалось ей, и в голову вдруг ворвалась мысль – яростная, жгучая и будто бы даже не вполне ее собственная:

«Никому нет до меня дела! Если завтра я умру, они сделают вид, что им жаль, но на самом деле станет только легче. Всем хочется избавиться от меня, я только в тягость – лишняя проблема, бесполезная обуза!»

На глаза навернулись слезы, и она резко смахнула их, позабыв о накрашенных ресницах. Увидев на ладони размазанную тушь, Магда полезла в сумочку за салфетками и зеркальцем.

«Что на меня нашло? С чего я это взяла?» – думала она, приводя в порядок макияж, и уже не могла понять, с чего так сильно расстроилась, почему решила, что никому не нужна.

Выйдя из подземки, Магда решила пройти до дома кружным путем, через большой парк, что был неподалеку от их дома. В погожие дни ей нравилось сидеть там на лавочке, читать, потягивая колу или сок, или наблюдать за играющими на площадке ребятишками, представляя, что и она когда-нибудь вот так же приведет сюда своего малыша.

Сегодня погода не радовала. Серое небо низко нависло над землей, по нему ползли темные дождевые облака. Наверное, скоро снова зарядит мелкий противный дождик. В парке было почти безлюдно: мамочки не вывели деток порезвиться на мокрых горках, пенсионеры тоже попрятались по домам, а редкие прохожие, глядя под ноги, чтобы не оступиться, резво трусили по своим делам.

Магда выбрала одну из пустых лавочек и села на подстеленный целлофановый пакет, который, по счастью, нашелся в сумке. Некоторое время она просто сидела, сама не понимая, что делает в унылом парке, почему упорно не желает пойти домой, в теплую уютную квартиру.

А потом на одной из аллей, совсем близко от Магды, показалась та женщина. Она шла суетливыми, мелкими шажками, то и дело оглядываясь через плечо, словно опасаясь преследования. Плечи ее были опущены, голову она склонила еще ниже, чем все остальные прохожие, да вдобавок прикрыла лицо платком. Магде показалось, что дело не в пронизывающем ветре: женщина прятала лицо вовсе не от непогоды.

На какое-то мгновение, когда женщина подошла совсем близко, они встретились взглядами, и Магде показалось, что в глазах той промелькнуло что-то похожее на узнавание, хотя знакомы они точно не были. Женщина замедлила шаг и робко улыбнулась, а потом на мгновение, забывшись, отвела руку с платком от лица. Магда, не сдержавшись, ахнула: вся правая сторона была изуродована побоями: глаз почти закрылся, заплыл, губа вздулась, на скуле наливался багрово-синим огромный синяк.

Вторая половина лица была нетронутой, но опухшей от слез. Женщина и сейчас продолжала всхлипывать.

– Господи! – Магда вскочила с лавки, подбежала к несчастной. – Кто это сделал? Надо полицию...

– Нет-нет, – испуганно проговорила женщина. Речь ее была не совсем внятной из-за разбитой губы. – Не надо никуда! Я лучше просто тут посижу. Нельзя мне домой.

Она направилась к скамейке, на которой только что сидела Магда, и уселась на нее, не обращая внимания на влажные от недавнего дождя доски. На пакет, что подстелила Магда, не взглянула. Девушка, слишком потрясенная происходящим, чтобы возражать, направилась следом, присела рядом.

Некоторое время сидели молча. Потом женщина вздохнула и сказала:

– Меня Леной зовут. Я тут недалеко живу, – она неопределенно мотнула головой, – в десятом доме.

– Я Магдана, можно просто Магда. В десятом? А я в двенадцатом.

– Выходит, соседи. То-то мне показалось, будто лицо знакомое.

Лена снова умолкла. Магда, поколебавшись, спросила:

– Кто это сделал? Ведь не бандит какой-нибудь?

– Самый натуральный бандит! Сволочуга! – вскинув голову, вдруг горячо заговорила Лена. – Всю жизнь надо мной измывается, десять лет уже. А теперь еще и Митьку лупасит!

– Митя – это...

– Да! Сын наш. Как напьется, начинается... С чего-то ему в голову втемяшивается, что я ему изменяю с его братом. И что Митька ему не родной. Как трезвый, клянется, что ничего такого не думает. «Дурак был, прости!» – вот

что хочешь с ним, то и делай. В ногах валяется, обещает, что больше ни-ни. Держится самое большое недели две, шелковый ходит, а потом опять за старое!

Голос ее завибрировал, задрожал от слез.

«А я еще думаю, у меня проблемы! У людей вон что делается!»

– Лена, – Магда тронула женщину за плечо, – почему же вы терпите? Он же никогда не изменится, такие не меняются. Надо уходить от него. Нельзя такое терпеть!

– Нельзя! А куда я пойду? – Избитая половина лица ее болезненно искривилась. – Кто у меня есть-то? Квартира Сашкина. Мать у меня в деревне, так там работы никакой, чего я туда поеду? Да еще с ребенком.

Она снова уткнулась в платок и заплакала.

Магда поняла, что уговаривать ее нет смысла. Существует категория людей, чаще – женщин, созданных быть жертвами. Не важно, чего или кого – обстоятельств, людей. Не Сашка, так другой какой-то изверг. Или начальник-садист. Или подруга-стерва. Эта Лена не знает другой жизни. Она будет плакать и жаловаться, однако терпеть и подставлять под удар себя и сына не перестанет.

«Но ведь не оставишь же ее тут, сидеть одну в парке! Чем-то же надо помочь. А Митя? Сколько ему лет? Где он?»

Пока Магда старалась решить, что делать, слушая тихие всхлипывания Лены, раздался женский голос:

– Магда! Ты чего здесь? Холодина такая, а она сидит! Задницу отморозить хочешь?

Магда обернулась – надо же, как не вовремя! Динуля, соседка и главная сплетница в доме, ходячее справочное бюро. Грубоватая, бесцеремонная, со всеми придерживающаяся панибратского тона. Все про всех знает и с удовольствием посвящает желающих в подробности чужой жизни. Теперь

разговоров не оберешься. Бедная Лена!

С другой стороны, возможно, и наоборот – как раз кстати? Не исключено, что они с Леной знакомы. А может, Динуля, дама с богатым жизненным опытом, посоветует, что делать?

– Да вот, решили посидеть немного, до дождя, – осторожно проговорила Магда, подбирая слова.

– Решили? – удивленно переспросила Динуля. – С кем? Максим сейчас тоже придет?

– Нет, почему Максим? Мы с Леной.

Произнося эту фразу, Магда повернулась к сидящей рядом Лене и оторопела: скамейка рядом с ней была пуста. Ни изуродованной побоями женщины, ни кого-то другого.

Не успев удержаться, осмыслить случившееся, Магда растерянно проговорила:

– Куда она подевалась?

– Кто?

– Лена. Секунду назад тут сидела, плакала – и исчезла куда-то.

Динуля подошла ближе. Магда видела, как глаза ее жадно расширились в предвкушении сенсации, которую можно растрезвонить на весь дом. Поглядите, люди добрые: богатенькая избалованная домохозяйка, видать, не на шутку треснулась головой! Лена какая-то ей мерещится среди бела дня!

И на кой черт эту Динулю именно сейчас принесло в парк?

– Магда, я тебя давно увидела, еще с поворота. Даже рукой помахала, ты не заметила. Ты сидела одна.

– Но как же... Лена, она ведь точно была здесь! Я ее за руку держала! – Магда понимала, что больше ничего говорить не нужно, что каждым своим словом она усугубляет свое незавидное положение, но ничего не могла с собой поделаться. – Мы с ней разговаривали! Она вся избитая была, про Митю рассказывала, про сына. Про то, что муж бьет... Его Сашей зовут.

Выражение Динулиного лица внезапно переменилось. Алчный интерес к чужой жизни бесследно пропал, вместо него появилось изумление и еще что-то – кажется, испуг.

– Как, говоришь, ее звали? Леной?

Магда кивнула.

– А сын у нее Митя и Сашка – муж?

– Ты ее знаешь? Она сказала, в десятом доме живет. Невысокая такая, очень худенькая, волосы темные, а лицо в веснушках.

Потрясение вкупе с боязнью проступили еще отчетливее.

– Жила, – тихо поправила Динуля. – Они и правда в десятом жили, на седьмом этаже. Сашка бил ее смертным боем, сына поколачивал, она по соседям бегала – жаловалась. Потом они мирились и через некоторое время снова-здорово.

– Да-да, она так и говорила!

– Магдана, – впервые назвав ее полным именем, проговорила Динуля. – Не могла тебе Лена ничего сказать. Она три года как умерла. Сашка однажды забил ее до смерти, а потом, видно, перепугался, да и сиганул с балкона. Митя в школе был. Его после бабушка к себе взяла.

У Магды против воли вырвался нервный смешок. Она хотела сказать что-то, но что тут скажешь? А Динуля между тем не остановилась:

– Вы ведь тут второй год живете? Ты Лену никогда не видела. Если только тебе раньше кто-то эту историю не рассказал, то ты о ней и знать не могла!

– И что это значит? Что у меня галлюцинации? – враждебно спросила Магда.

«Все, теперь я стану кем-то вроде местной юродивой! Только этого не хватало».

Динуля удивила. Оставаясь серьезной, она с расстановкой произнесла:

– Я «Битву» всю смотрю, с самой первой серии. Но знаешь, что думаю? В основном они там все ненастоящие – гадалки эти, колдуны, ясновидящие. Все по сценарию: шоу, что с него взять. Но настоящие экстрасенсы тоже бывают, хотя я лично ни одного не встречала. До сегодняшнего дня.

Вот так, с Динулиной легкой руки, и вошло это слово в жизнь Магды.

Ночью, когда муж уже спал, она обдумывала слова соседки (которая, похоже, начала относиться к Магде с уважительным почтением и некоторым трепетом). Прокручивала недавние события, размышляла.

– Я читала, этот дар часто открывается после травм! – убежденно говорила Динуля, когда они бежали домой, прячась от начавшегося дождя под ее пестрым зонтиком.

«А у меня еще и смерть клиническая была», – подумала Магда, но вслух говорить не стала. Соседка и без того казалась эпатированной.

Что со всем этим делать? А еще ведь оставались сны... С кем посоветоваться? К кому обратиться за разъяснением? Психотерапевт тут не поможет. А кто поможет?

Максим пробормотал что-то и повернулся на другой бок. Как он отреагирует, если она заявит ему, что с некоторых пор стала видеть призраков, общаться с мертвыми и, вопреки своему желанию, заглядывать в чужие жизни, как хулиган – в окошки?

Захочет ли он – благоразумный, успешный, твердо стоящий на ногах – и дальше связывать жизнь с экзальтированной дамочкой, хуже того – с кем-то вроде ярмарочного уродца?

Глава 5

Магда боялась, что Динуля разнесет по всему двору весть о явлении миру новой ясновидящей, расскажет всем, кто согласится ее слушать, о случившемся в парке. В результате соседи станут коситься на Магду, перешептываться и вертеть пальцами у виска.

Однако ничего такого не случилось. Судя по всему, Динуля никому ничего не сказала. Если им с Магдой случалось сталкиваться в подъезде или на лестнице, лицо ее было подчеркнуто серьезным и уважительно-настороженным.

«Неужели она ждет, что я схвачу ее за руку и вывалю в лицо все подробности о ее прошлом, настоящем и будущем?» – усмехалась про себя Магда. Но ведь это полная чушь!

Тем более она при всем желании не смогла бы этого сделать. Видения приходили к ней сами по себе, независимо от ее воли. Или же она просто не умела ими управлять.

Однажды, ради эксперимента, Магда как-то ночью взяла спящего мужа за руку и попыталась сосредоточиться. Но, может, слишком уж сильно ждала, чтобы голову заполнили образы или голоса, как это было в случае с отцом, слишком напрягалась. Потому что ничего не вышло, и в итоге она устала ждать и сама не заметила, как заснула.

Кстати, спать она стала намного лучше. С того момента, как Магда встретила в парке давно погибшую Лену, минула почти неделя, и за все это время ночной кошмар с коридором, пропастью и зловещими фигурами не приснился ей ни разу.

Магда прочла в Интернете несколько статей о людях, у которых внезапно, после трагедий или травм, открылись экстрасенсорные способности, и нашла похожий случай. Молодой человек отказывался признавать, что стал обладать колдовскими умениями, и едва не угодил в психиатрическую лечебницу: ему мерещились всякие ужасы, и спать он почти перестал. А потом принял свой

новый дар и зажил припеваючи.

«Принять дар» – звучало по-идиотски, в духе романов в бумажных обложках или телепередач для скучающих домохозяек, но какое-то рациональное зерно в этом все равно было.

«Может, надо было осознать, что со мной происходит, перестать бегать по врачам и сдавать анализы. Как раз с этим и был связан тот сон?» – думала Магда, надеясь, что больше ничего необычного с ней не случится и кошмары перестанут ее мучить.

Только зря надеялась.

Она была дома одна, когда происходящее вновь получило продолжение. Чистила картофель, одновременно следя за тем, чтобы не пригорели котлеты, когда услышала какой-то звук из гостиной.

«Телевизор, что ли, включился?» – мелькнула мысль, потому что звук напоминал человеческий голос. Магда хотела пойти и посмотреть, что там такое, когда зазвонил лежащий на столе сотовый.

Звонил отец – справиться, как она себя чувствует.

– Ксюша говорит, вы собирались сходить куда-то. Кино, кафе. Ты обещала позвонить и молчишь.

Говорил отец вроде бы спокойно, но за этим спокойствием чувствовалось кое-что скрытое, лучше всего попадающее под определение сдержанного, интеллигентного опасения, которое воспитанный человек всеми силами старается не выдать.

Возможно, Магде это только казалось, но после того случая папа держался с ней настороженно, слишком старательно делал вид, будто ничего особенного не случилось, однако она чувствовала, что он постоянно думает, размышляет, ищет объяснения. Она заставила его воскресить в памяти тяжелые страницы собственной биографии, о которых он, возможно, долгое время старался не вспоминать.

– Пап, ты что, боишься меня? – выпалила Магда, нарушив негласный уговор не заговаривать о случившемся.

Отец сразу понял, что она имеет в виду, подтвердив тем самым ее предположения.

– Нет, что ты, милая! То, что ты каким-то образом узнала... Это не значит, что я боюсь.

Он говорил еще что-то – она перестала слушать. Голос, доносившийся из гостиной, звучал все более четко, ей нужно было пойти и взглянуть, что там.

«Телевизор, просто телевизор, ничего особенного!»

– Прости, папа, – перебила она отца. – Мне нужно идти. Позже поговорим.

– Конечно, Магда, я...

Она не узнала, что «он». Мазнула по экрану пальцем, отложила телефон в сторону.

– Пожалуйста, только живи! Ты же знаешь, я живу тобою, – умоляла-тосковала женщина в соседней комнате.

«При чем тут Земфира?»

– Моей огромной любви хватит нам двоим с головою.

Столько боли и печали было в этом дрожащем неуверенном сопрано, что сердце Магды тоже застонало. Но уже в следующий миг подступил страх – дикий, неуправляемый. Накатил ледяной волной, не давая вздохнуть, и она прижала руку к горлу – совсем как отец.

Яснее ясного – никакой это не телевизор.

«Я не могу пойти туда. Я не пойду!»

Но ноги сами несли ее к двери. Незнакомый женский голос звал, манил – невозможно сопротивляться, придется встретиться лицом к лицу с той, что плакала над своей бедой.

«Давно уже отплакала свое», – сказал тихий голос в ее голове.

– Лена? – шепнула Магда, выйдя из кухни и остановившись в коридоре. Хотела двинуться дальше, но не могла заставить себя переступить порог гостиной. В желудке словно лежал холодный тяжелый камень, ладони сделались влажными.

«Надо бежать! Во двор, на улицу. Скоро Макс придет, дождаться его!»

Вместо этого Магда толкнула приоткрытую дверь и вошла.

Вся комната была как на ладони – они с мужем любили простор и не стремились заставить мебелью каждый свободный клочок пространства. Поэтому женщину, что сидела на диване в левом дальнем углу, боком к ней, Магда увидела сразу же.

Она по-прежнему напевала известную мелодию, только теперь обходилась без слов. Вопреки ожиданиям, это оказалась не Лена. Неведомая гостья была моложе – не больше тридцати. Незнакомка сидела, вытянувшись в струнку, сложив руки на коленях, как примерная ученица. Тонкий профиль казался смутно знакомым, но вспомнить, откуда она знает девушку, Магда не могла. Желтый топ с тонкими бретельками, короткая пышная синяя юбка. Густые каштановые волосы, изящная фигура, длинные стройные ноги, обутые в босоножки.

Красивая девушка.

«Красивая мертвая девушка».

Мысль ударила под дых, хотя Магда и без того понимала, кто перед ней.

«Кто ты? Зачем пришла сюда?»

Будто подслушав ее мысли, незнакомка неспешно повернулась к Магде. Эти карие глаза и брови вразлет; эта челка и побелевший, но заметный шрам на подбородке...

Магда ахнула и отступила назад. Перед ней была та самая девушка, которую она однажды увидела в зеркале. Именно это лицо на короткое мгновение отразилось там вместо ее собственного!

Пару секунд они смотрели друг на друга, а потом девушка вскочила с дивана и, развернувшись всем корпусом в сторону Магды, закричала:

- Я не хочу умирать! Не хочу!

Кулаки ее сжались, лицо перекосилось от ярости.

- Не мертвая! Не хочу! Не мертвая! Ненавижу!

Голос ее срывался на визг, грохотал отбойным молотком, бил по нервам, разрывая их в клочья. Магда прижала ладони к ушам, чтобы хоть немного приглушить крики, смутно понимая, что все бесполезно: дикие вопли звучали только в ее голове.

Вдруг что-то вроде взрывной волны толкнуло ее в грудь, отбросило назад. Словно тряпичная кукла, Магда вылетела из гостиной, ударившись спиной и затылком о стену коридора. От боли в глазах заплясали красные звездчатые огоньки, а после все потемнело и пропало.

Нестерпимо пахло горелым. Магда приоткрыла глаза и обнаружила себя сидящей возле стены. Одна нога вытянута вперед, вторая согнута. В голове шумело и стучало, затылок побаливал.

Магда несколько раз моргнула, пытаясь прийти в себя, но сизое марево, что повисло перед глазами, не желало рассеиваться.

«Котлеты сгорели! – сообразила Магда. – Пожар!»

Держась за стену, она неловко встала на четвереньки, потом поднялась на ноги. Постояла немного, чтобы убедиться, что обморок ей не грозит. Ничего, вроде все хорошо, головокружения нет. Можно идти.

По всей видимости, в коридоре она провалялась не так уж долго. Котлеты, что томились на маленьком огне, конечно, успели сгореть и превратиться в угли, есть их было невозможно, да и сковорода безнадежно испорчена. Однако до пожара дело не дошло.

Минут сорок спустя Магде удалось привести кухню в порядок. Запах гари, конечно, до конца не выветрился, но вонючие клубы пропали. Сковородка покоилась в мусорном ведре. Магда нажарила картошки, сделала салат – надо же кормить мужа.

Когда она услышала, как в скважине поворачивается ключ, не удержалась и бросилась к двери, хотя изначально решила не подавать виду, что в отсутствие Макса что-то случилось.

– Не надеялась, что я вернусь? Такое ощущение, что ты меня с войны встречаешь, – улыбнулся он, целуя ее. Потом сморщил нос, принялся. – Слушай, чем тут пахнет?

Вместо ответа Магда порывисто обняла его за шею, прижалась всем телом.

– Что такое? – совсем другим, встревоженным тоном спросил Максим.

Магда давала себе слово не плакать, но не сумела сдержаться.

Ближе к девяти вечера они сидели в гостиной. Работал телевизор – на экране искусственно выращенные звезды кривлялись, шутили и радостно гоготали над собственными шутками, но ни Макс, ни Магда не замечали их потуг поднять зрителю настроение.

Они молчали, причем каждый делал вид, что ужасно занят. Макс, расположившись на том самом диване, где днем сидела неведомая гостья, листал какие-то бумаги, подолгу застревая на одной странице и глядя в одну точку.

Магда устроилась в кресле (на диван она без содрогания и взглянуть не могла), уставилась в книгу: по сто раз перечитывала каждый абзац, но, как ни старалась, не могла понять, о чем идет речь. Снова и снова сверлила взглядом непослушные строчки, которые, казалось, были написаны на иностранном языке, не могла продвинуться дальше и раз за разом возвращалась к началу.

– Макс, кто жил в этой квартире до нас? – не выдержала она, захлопнув книгу.

Трехкомнатная квартира в одном из самых хороших районов Казани была куплена вскоре после свадьбы. Часть денег Макс выручил от продажи собственной «однушки», но в основном это был свадебный подарок отца. Он же и ремонт оплатил.

До той минуты Магда как-то и не интересовалась, кому прежде принадлежала эта квартира. Если Макс и упоминал об этом, то она забыла. Помнила только, что на сделку со стороны продавца по какой-то причине пришла не то риелтор, не то юрист – Магда запомнила огненно-рыжие короткие волосы и высоченный рост.

– Мы ее у агентства покупали, – откликнулся Максим, тоже отложив в сторону бумаги. – Я не знаю, кто тут жил.

– Может, эта девушка жила и... – Магда взволнованно прижала руки к груди. – Может, ее вообще здесь убили!

Макс досадливо поджал губы, сдерживаясь, чтобы не нагрубить.

– Магдана, послушай. – Полным именем он называл жену крайне редко, только если был чем-то недоволен. – Скажу честно. Твой мистический настрой мне совершенно не по душе. Мы же не в кино и не в романе Стивена Кинга. Всему есть разумное, нормальное объяснение. Но ты не желаешь его искать – тебе подавай игры в призраки и оживших мертвецов.

– Это не игры! – вспыхнула Магда. – Думаешь, мне самой нравится? Но что я могу поделать, если вижу их!

Максим выразительно закатил глаза.

– Тебе кажется, что ты их видишь, а это разные вещи! Извини, я не имел в виду, что ты играешь со мной, – очевидно, твое сознание выкидывает все эти штуки.

«Еще немного, и он заставит меня возобновить походы к Константину Львовичу», – подумала Магда и сочла за благо свернуть разговор.

Она ушла в ванную и долго стояла под тугими струями горячей воды. Ни о чем не думала, просто старалась успокоиться.

Весь остаток вечера они с Максом обходили в разговоре скользкую тему. Говорили о всяких пустяках, только бы ненароком не коснуться опасного предмета. Магда устала от этого спектакля, чувствовала себя разбитой и больной, но ссориться с мужем и убеждать его в том, во что он твердо решил не верить, было бы куда хуже.

«Я ему еще докажу», – обиженно думала она, слушая, как он фальшиво напевает в душе. Глупость, конечно, и ребячество.

Глава 6

По коридору кто-то бродил.

Магда проснулась среди ночи: ее разбудил храп Макса. Обычно такого за ним не водилось, но вот уже третий день муж был простужен, чихал, кашлял, с трудом дышал заложенным носом. Вот и сейчас храпел, открыв рот.

Будить его, просить повернуться на бок было жалко: пусть выспится. Больничного Максим, по обыкновению, не брал, переносил недомогание на ногах. Магда закрыла глаза и попыталась снова заснуть, но быстро поняла, что ничего не выйдет: громоподобные рулады так и лезли в уши.

Она решила сходить в туалет, потом на кухню – попить водички или даже чаю с молоком: может, к тому времени Макс перестанет храпеть. Магда осторожно встала, сунула ноги в домашние тапочки и вышла из спальни.

Звуки, которые доносились из коридора, она услышала, когда была в туалете. Приглушенные разговоры, мужские и женские голоса, шаги.

«Кому не спится в ночь глухую?» – Магда завернула краны и наскоро вытерла руки. Вышла в прихожую – тут голоса слышались отчетливее.

Она включила настенный светильник-тюльпан, подошла к входной двери, прислушалась. Складывалось впечатление, что люди беспорядочно перемещались по коридору туда-сюда, ходили взад-вперед, о чем-то переговариваясь. Понять, о чем они говорят, было невозможно.

Что происходит? Может, кому-то из соседей стало плохо среди ночи?

Магда поглядела в сторону спальни, раздумывая, не разбудить ли Макса. Но вместо этого посмотрела в глазок.

Мимо двери, на мгновение закрыв ей обзор, прошла женщина. На ней был полосатый махровый халат, шла она нетвердой пьяной походкой, пошатываясь, подволакивая ноги. Едва обратив на это внимание, Магда увидела, что и остальные люди – сгорбленный старик в пиджаке, увешанном медалями, худая растрепанная женщина, держащая за руку лысого мужчину, – двигаются так же: неуверенно, неуклюже, словно при каждом шаге раздумывая, куда поставить ногу.

Все они бормотали что-то, стенали, всхлипывали, и голоса их сливались в общий неразборчивый гул. Странные посетители и в самом деле просто бродили по коридору, без какой-то определенной цели. Дойдя до одного конца коридора, они разворачивались и все той же дерганой походкой шли в противоположную сторону. Старик с медалями слепо шарил руками по стенам и по-птичь поворачивал голову, вытягивая шею.

Поначалу Магда подумала, что они что-то (или кого-то) ищут, но на поиск их действия были мало похожи. Скорее уж они напоминали животных, которые попали в западню и бессмысленно кружат в поисках выхода. Так ведет себя муха, которая с тупой безнадежностью, бессмысленно и настойчиво бьется о стекло, стараясь вылететь на улицу и не понимая, что совсем рядом есть открытая форточка.

«Опять они!» – обреченно подумала Магда, толком даже не успев испугаться.

С того случая, как она увидела в своей квартире девушку, прошло около недели. Ничего больше не случилось: Магде словно давали передохнуть, чтобы она могла прийти в себя и постараться уверовать, что ничего и не случится. Правда, напрасно: она все равно уже не верила и ждала очередного происшествия.

Встретив в магазине Динулю, Магда спросила ее о прежних жильцах своей квартиры. Соседка должна была знать – на то она и Динуля.

– Пара семейная жила, – немедленно ответила та. – Валиевы. На железной дороге работали, начальниками какими-то. Потом они за границу переехали, вроде на Кипр. Квартиру по доверенности через агентство недвижимости продали. Вы и купили.

– А больше никто там не жил? Может, до Валиевых? – уныло спросила Магда. Перспективная версия разваливалась на глазах.

– Я в этом доме с самого первого дня, – с некоторой обидой ответила Динуля. – Валиевы первые владельцы были.

– А может, они сдавали квартиру? Когда уехали? – пришло Магде в голову.

Динуля категорически отвергла и это предположение, а затем попыталась выяснить, зачем Магде эта информация. Так ничего и не добившись, разочарованно вздохнула и покатила прочь нагруженную тележку.

Тем временем ситуация в коридоре изменилась. Словно почувствовав, что Магда смотрит на них, потусторонние гости замедлили свое и без того не слишком быстрое хождение, а потом и вовсе остановились. Головы их повернулись в сторону двери, за которой пряталась Магда. Повисла тишина: ни шарканья ног по плиткам пола, ни гула голосов.

Растрепанная женщина, одетая в длинное светлое платье, положила руку на плечо своему спутнику, словно собираясь что-то сказать ему на ухо. Лицо ее, не старое еще, но измученное, как будто бы источенное долгой болезнью, напряглось, губы задрожали. В следующий момент она уставилась прямо на

Магду, глаза в глаза, и у девушки появилось стойкое ощущение, что незнакомка непостижимым образом видит ее.

«Быть такого не может», – только и успела подумать Магда. А уже через секунду стало ясно: еще как может! Таинственные гости, как по команде, повинувшись неотданному приказу, двинулись к двери квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/albina-nuri/po-raznye-storony-vechnosti>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)